

УДК 123.1

**СВОБОДА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА
FREEDOM AS A FACTOR OF SOCIETY
DEVELOPMENT**Э.С. Беликова
E.S. BelikovaТомский политехнический университет, Россия
Tomsk Polytechnic University, Russia

Беликова Элина Сергеевна,
канд. филос. наук, ассистент кафедры философии
Института социально-гуманитарных технологий
Томского политехнического университета (Россия, 634050,
г. Томск, пр. Ленина, д. 30).
E-mail: ellina1631@mail.ru

Актуальность работы обусловлена тем, что в современной культуре свобода постулируется как одна из значимых ценностей как в личностном, так и в политическом аспекте. Ей приписывают важнейшую роль в становлении самостоятельности человека в обществе, однако исследования доказывают, что, несмотря на наличие большого количества свободного времени и политических прав, индивид часто оказывается не способным воспользоваться ими. Более того, классическая свобода воли (способность человека быть источником собственных решений) подменяется «мягкой властью». В этом случае происходит подмена подлинной независимости манипуляцией, призванной спрятать от человека его истинные стремления и цели. Цель работы: показать отсутствие единства в понимании свободы, дать такое определение данному понятию, которое поможет обнаружить противоречие между постулируемой свободой и реальной свободой. В исследовании применялись следующие методы: анализ разных концепций свободы, сравнение философских и обыденно-политических представлений о свободе. Анализ представлений о свободе показывает разницу между постулируемой свободой и свободой самой по себе, из чего следует, что сегодня она выступает не столько актуальной действительностью, сколько еще одним способом манипуляции людьми с помощью создания иллюзий. «Свобода» выступает сегодня одним из инструментов осуществления «мягкой власти».

Ключевые слова: национальная идентичность, россиеведение, историография, национальное самосознание, постсоветское пространство, методология истории.

The relevance of research is caused by the fact, that freedom in contemporary culture is postulated as one of the most important value of political and private life. It is arrogated to most significant role in coming-to-be human been in society. Now researches demonstrate, that despite of many free time and political rights, human cannot use them. Moreover classical free will (man's ability for be a source of own decisions) is replaced by soft power. In this case, the true independence is substituted by manipulation, which help to hide personal true wishes and aims. The main aim of the study is to show the lack of unity in understanding freedom in theory, try to analyze the freedom, to show the difference between postulated and real freedom. The methods used in the study: analysis of different ideas of freedom, comparison of philosophical and ordinary-political point of view of freedom. The results. The paper shown the difference between the real and postulated freedom. That is why the freedom now is not real actuality, but it is only one way of people manipulation creating illusions. Soft power uses «freedom» as the instrument of self-realization.

Key words: freedom, value, society, human, reality, illusion.

Современная культура предоставила человеку огромное количество возможностей, начиная от технических изобретений, позволяющих быстрее и комфортнее передвигаться по планете, и заканчивая политическими правами в виде права голоса на выборах, права на собственное мнение, на свободу собрания и пр. Представление о том, что современный человек намного свободнее своих предшественников, глубоко укоренилось в сознании, недаром одним из значимых символов искусства XX века является так называемый новый кентавр – соединение человека и машины. Действительно, сложно сегодня представить жизнь без автомобилей, компьютеров, сотовых телефонов, роботов и прочих технологий, превратившихся буквально в продолжение тела, расширяющее изначально заданные природой биологические пределы. Новое полумеханическое существо не только превосходит человека физически, но и мыслит совершенно по-другому, отрицая предшествующий культурный опыт как нечто вредное: «Мы говорим: наш прекрасный мир стал еще прекраснее – теперь в нем есть скорость. Под багажником

гоночного автомобиля змеятся выхлопные трубы и изрыгают огонь. Его рев похож на пулеметную очередь, и по красоте с ним не сравнится никакая Ника Самофракийская» [1].

Начиная с Великой французской революции, свобода становится одним из значимых лозунгов, до сих пор ее используют в качестве приманки в PR-кампаниях, и эти кампании оказываются действенными, хотя утратили оригинальность. Прежде всего подобный подход характерен для экономических пирамид, завлекающих новых adeptов путем обещаний большого количества свободного от работы времени и пассивного дохода. В данном случае не имеет значения, получают ли люди обещанное, важен сам факт того, что свобода рассматривается обществом как такая ценность, которая непосредственно связана со счастьем, комфортом, уютом. При этом объективное представление о свободе и тем более о связанной с ней ответственности ускользает от взглядов обывателей. В связи с этим возникает необходимость, проследив эволюцию представлений о свободе, подвести промежуточный итог, что же это за явление и насколько оно в действительности связано с комфортным и уютным существованием, в котором отсутствует давление на человека извне, где он самостоятельно выбирает, идти ли ему в магазин или посидеть в Интернете.

В течение многих столетий философы искали ответ на вопрос о том, свободен ли человек и что является источником этой свободы (индивидуальная воля, божественная благодать или что-то иное). В истории философии обнаруживаются три основных модели данного термина: «свобода как осознанная (или познанная в зависимости от контекста) необходимость» (Спиноза, Гегель и др.), трехуровневая свобода действия, выбора и воли, а также модель негативной – позитивной свободы [2–7]. При всех внутренних различиях между ними можно проследить единство в виде субъекта свободы, который должен выступать причиной собственных действий, но рассматриваются разные варианты того, что может ему помешать ею быть, в каком случае человек перестает выступать причиной собственной жизни.

Рассмотрим каждый из подходов отдельно, начиная с исторически первого. Представление о том, что свобода является познанной необходимостью, зарождается в античности в рамках стоической философии, раскрывая две основные особенности данного представления о свободе. Первая связана с тем, что для свободы необходимо познание мира, именно оно дает возможность человеку видеть четко свою судьбу, т. е. субъект становится всё более свободным по мере расширения его знания и по мере осознания своего места в мире. При таком подходе человек может стать причиной собственных действий только в том случае, если он знает, как устроен мир и как в этом мире нужно действовать, чтобы вызвать необходимые последствия. Действительно, если действовать наобум, не зная, к чему данное действие или мысль может привести, можно говорить о свободе, т. к. никто извне, кроме самого человека, не управляет им, однако невозможность достижения определенного нужного субъекту результата приводит к обесмысливанию подобных действий.

Вторая особенность подобного понимания свободы заключается в очищении от страстей [7], которые препятствуют осуществлению разумных действий, выставляя на первый план сиюминутные потребности и непредсказуемые желания. В этом смысле человек зависит от собственных психологических препон, которые не дают ему действовать, исходя из значимых целей, на первый план выходит сиюминутное, иллюзорное, изменчивое. Можно привести пример, уже озвученный ранее: никто сегодня не мешает свободно пойти в магазин или посидеть в Интернете, однако является ли трата денег на искусственные потребности (о формировании которых очень много пишет Ж. Бодрийяр [8, 9]) действительно свободным видом деятельности? Ведь субъект в данном случае исполняет не свою волю, а волю тех людей, которые на его «потребностях» в искусственных конфетах зарабатывают деньги [10]. Равно как не свободен он будет, если вместо реализации своих целей, вместо саморазвития будет часами читать новости, представляющие собой политическую симуляцию, направленную на формирование у него искаженной картины мира.

Исходя из исторически самого раннего представления о свободе следует, что она не может быть доступна простым политическим разрешением, например, голосовать на выборах президента. Ибо для того, чтобы это право было реализовано, необходимо два основных условия: во-первых, человек должен разбираться в реальной политической ситуации, что сегодня становится все менее возможным. Знания о настоящем положении вещей маскируются под нужды той или иной информационной войны, которые ведут правительства, экономические ги-

ганты и прочие игроки на рынке интеллектуальных продуктов, до них сложно добраться обычному человеку. Во-вторых, огромное количество психологических уловок и манипуляций активизируют страсти в человеке, который теряет возможность определить, что необходимо ему самому, а что является искусственной потребностью. В частности, он не в состоянии зачастую определить, нужно ли ему право голоса с учетом того, что голос этот может ни на что не повлиять, напротив, на сам этот голос оказывается колоссальное давление.

Представление о свободе как познанной необходимости с течением времени меняется на триаду свободы действия, выбора и воли [3, 6]. Именно такой подход на протяжении многих веков рассматривался в качестве центрального концепта, однако разные ее стороны исследователи определяли неравнозначно, особенно это касается свободы действия, традиционно изучаемой как низший тип свободы. Слабость и несамодостаточность данного типа свободы демонстрировалась примером узника, томящегося в тюрьме, который на деле может оказаться более свободным внутренне, чем гуляющий в чистом поле ничем не ограниченный путник [6]. Путника в дорогу могут отправить разные внешние по отношению к его собственным желаниям обстоятельства, в то время как заключенный самим своим заключением может демонстрировать свободу выбирать самого себя. История предоставляет массу примеров подобного рода, когда человек, оказавшись в тюрьме или на грани жизни и смерти, оставляет за собой право мыслить самостоятельно, отстаивает свои идеи и убеждения. И все же чрезмерное презрение к свободе действия неоправданно, так как прежде всего человек ограничен своими собственными возможностями, способностями, заложенными родителями, природой и т. д. Они задают рамки, которые можно расширить опять же только в определенных пределах, и тогда расширение в большей степени, чем обладание дополнительными способностями, играет важную роль.

Желая преодолеть предел скорости передвижения, автолюбитель может попытаться надавить на газ, расширяя пределы возможного, однако его действия могут привести к обратному результату: вместо того чтобы попасть на место назначения вовремя, он не попадет туда вообще или с большой задержкой. Все зависит от способностей и степени развития этих способностей, таких как реакция, зрение, слух, внимательность и т. д. Иными словами, свобода действия является неотъемлемой частью свободы вообще, однако бессмысленно ее рассматривать только с точки зрения внешних по отношению к человеку факторов. Пример с водителем показывает, что сама по себе она является порождением способностей субъекта совершенствовать свои навыки, но всегда у этих способностей есть предел, за который человек не может выйти, особенно если не прилагать к этому усилий. Невозможно понять суть политической ситуации, не развивая свою способность к критическому мышлению, не обладая доступом к нужным знаниям (а его можно получить, но только при определенных усилиях). Свобода действия – это не спокойное пребывание в таком состоянии, когда человеку ничто не мешает, она есть способность действовать даже в том случае, если ресурсы ограничены.

Более того, свобода действия по своей сути не связана ни со свободой выбора, ни со свободой воли. Ее главная направленность – деятельность по расширению природной ограниченности субъекта, которая предполагает не просто поле возможностей или открытость рассуждения, она предполагает активность [13]. Именно поэтому человека, который спит дома, т. е. ему никто не мешает, мы не можем назвать свободным в своем действии, и даже если он встанет и пойдет в магазин, все равно его деятельность будет направлена на поддержание существующего порядка вещей; свобода же действия предполагает направленность на расширение, в этом смысле гораздо более свободен тот человек, который, прежде чем идти на выборы, изучит хотя бы внешние политические факты, сравнит идеи и взгляды политиков с их реальными делами. И пусть его голос будет не так важен, как мнение большинства, но в своих действиях он будет намного свободнее.

Вторая часть триады – свобода выбора – нагляднее всего представлена в этике [7]. В основе представления о ней лежит предположение, что перед человеком всегда существует ряд потенциальных возможностей для действия или бездействия, которым он может воспользоваться. Например, мы говорим о свободе выбора тогда, когда перед человеком стоит альтернатива: помочь попавшему в беду или спастись самому, в данном случае любой из вариантов будет активным выбором, даже если субъект предпочтет отказаться от выбора вообще. Важно отметить два момента: во-первых, эти возможности уже объективно существуют. Например, при выборе из двух кандидатов в президенты должна быть в наличии разница в том, какую политику будут проводить два бу-

душих правителя, в противном случае нет разницы, кто победит. Во-вторых, человек должен обладать способностью видеть альтернативы там, где они неочевидны. Например, выбор между двумя разными батончиками шоколада во многом зависит от того, насколько выбирающий знаком с продуктом, спецификой его хранения. Выбор есть даже тогда, когда товар оплачен на кассе, его можно вернуть, человек несвободен только когда исчезают всякие альтернативы.

Обилие политических партий, направлений и иных общественных организаций, равно как и огромное множество товаров на рынке, дает обманчивое впечатление, будто в своем выборе современный человек необычайно свободен. К его услугам сотни кондитерских, магазинов одежды, на каждом углу красуются вывески, предлагающие улучшить жизнь. Однако большинство политических событий прикрыты информационным вымыслом, задача которого скрыть правду, привлечь на свою сторону как можно больше адептов той или иной точки зрения. Этот вымысел, искусно приправленный манипуляцией, направлен на то, чтобы управлять волей человека, дергая его как марионетку на ниточках. Магазины предлагают обилие товаров, однако товары эти удовлетворяют ненастоящие, симулированные [8, 10–12] потребности, ибо нет у человека необходимости пить «Кока-колу» каждый день, более того, для некоторых существует серьезная необходимость не пить ее.

Многое в современной культуре выстраивается на принципе симулирования реальности, который создает видимость существования того, чего на самом деле нет. В данном случае речь идет об альтернативах: что бы человек ни выбрал, всегда будет один и тот же результат, автором которого будет не он, а те люди, которые стоят за симуляцией. Вызывая к жизни реальные предметы (товары, услуги, политические партии), симуляция создает потребности, которых на самом деле не существует. Например, она может вызвать молодых мужчин добровольцами на войну, которая им на самом деле не нужна и которая противоречит самому принципу сохранения жизни.

Симуляция искусственной потребности в свободе формируется за счет мифологичности власти [14–16], которая реализуется через создание усеченной картины мира, где свобода, в частности, рассматривается крайне узко. Вместо полноценного предоставления человеку различных альтернатив (например, разных кандидатов на выборах) создают видимость конкуренции, однако победитель известен заранее. Более того, во многих случаях, когда конкуренция действительно существует (например, в США), выбор того или иного кандидата ничего не изменит, реальная политическая программа и политические решения представителей разных течений на деле оказываются фактически идентичными.

В то же время не стоит переоценивать «мягкую власть» [17–20], реализуемую посредством манипуляций общественным сознанием. Она всего лишь задает вектор восприятия, предлагая человеку выбор между двумя батончиками шоколада, никто не мешает пойти и купить вместо этого полкилограмма яблок, что практически равносильно по цене. Альтернатив всегда больше, чем предлагается с очевидностью, и в этом смысле свобода выбора зависит от выбирающего субъекта, от его способностей и желания, а также от его знаний реального положения вещей или хотя бы предположений о нем. Здесь свобода выбора тесно соприкасается со свободой воли тем, насколько человек в состоянии быть причиной собственной жизни, мыслей, действий, чувств.

Следует признать, что сегодня вопрос о свободе воли переместился из области философии в психологию, которая сводит его к решению противоречия, что же в человеке является источником его действий: биологически обусловленные индивидуальные черты или влияние окружения, формирующего психику индивида. Однако в любом из двух вариантов субъект оказывается детерминированным внешними обстоятельствами, ведь родителей, как известно, не выбирают, а следовательно, не выбирают способности, заложенные в человеке от природы. Социальная же детерминанта, хоть и предполагает большую вариабельность, так как никто не мешает сменить среду, в которой живет человек, настаивает на том, что кроме выбора среды у субъекта не остается больше никаких возможностей выбора самого себя. И даже исследователи, настаивающие на акцентировании «встречи» биологических и социальных факторов для формирования человека и его воли, не привносят в этот детерминизм ничего существенного, так как проблема остаётся на уровне определения уровня и степени влияния определённого внешнего фактора на волю, а через неё – на поведение человека. Свободной воля может быть только тогда, когда она является причиной самой себя, т. е. когда она обусловлена только самой собой, а не внешними факторами наследственности и среды, следовательно, вопрос о сво-

боду воли не психологический, а философский. Но тут приходится остановиться на вопросе о том, кто такой человек, каково его место в мире? Что является сущностной характеристикой человека? И только при ответе на этот вопрос можно понять, что именно в человеке «волит», следовательно, что в нем свободно или не свободно.

Сегодня наибольшее количество исследований свободы посвящено модели «негативной»–«позитивной» свободы, которая представляется в рамках современной культуры наиболее перспективной в связи с политическими преобразованиями общества. Под «негативной» свободой понимается свобода от внешних препятствий, расширение поле возможной деятельности. Сюда можно отнести стремление современного человека приобрести как можно больше свободного от работы и прочих необходимых занятий времени. «Позитивная» свобода – это свобода для реализации какой-либо цели, идеи, воплощения замыслов и т. д. Они отличаются направленностью: задача первой – расширить границы человеческой деятельности, задача второй, напротив, найти возможность двигаться к намеченной цели, следовать определенным принципам, но обе они стремятся оградить человека от влияния чуждых ему сил [4, 5].

Одним из важнейших контекстов использования данной модели выступает представление о независимости как основе свободы, которое сформировалось ещё в эпоху Античности и воплотилось в понятии автаркии (от греч. *αὐτάρκεια* — самообеспеченность, самодостаточность), подчеркивавшим два основных момента. Во-первых, оно имело ярко выраженный социальный оттенок. Античное общество, выстраиваемое на демократических началах, несмотря на видимость равноправия, постулировало элитарность свободы, которая принадлежала не всем членам общества. Рабы в принципе не могли о ней даже помыслить, их задачей было обеспечение безбедного существования граждан, которые бесплатно могли заниматься политикой, искусством, философией и т. д., не задумываясь об элементарных нуждах. Во-вторых, стойками было развито представление о разумной природе человека, которая единственная могла стать основой истинной свободы, в отличие от инстинктов, искажающих человеческую сущность.

Оба измерения автаркии привели к двоякому пониманию свободы в негативном ключе: психологическому (основанному на иррациональном понимании природы человека) и нравственному (опирающемуся на долг, а следовательно, на разум). «Под первым мы подразумеваем свободу от каких-либо препятствий при выборе, под вторым – свободу от влияния неразумных мотивов» [7]. В первом случае негативный пафос свободы пытается достичь своего предела (т. е. беспредельности), когда снимаются все возможные внешние барьеры: социум, физические недостатки, пространственно-временной контекст и т. д. При таком понимании абсолютно будет свободен такой субъект, которого окружает пустота, потому что только в этом случае его выбор будет даже не из каких-либо строго обозначенных вариантов, а абсолютно из ничего. Даже потенциально возможные варианты уже есть некоторое присутствие ограничения. Однако в таком случае нет позитивной свободы, потому что, какой бы выбор ни был сделан, он ни на шаг не продвинет субъекта, который будет, двигаясь или находясь на одном месте (в данном случае это не имеет значения), постоянно находиться в одном и том же положении. Такое состояние можно назвать вседозволенностью, потому что в безграничном пространстве ограниченному субъекту всё позволено, чего бы он ни пожелал, но в то же время нет и самой возможности действовать, остаётся лишь бессмысленное парение в пустоте. При таком понимании свободы нет ответственности за что-либо, помимо самого субъекта, ибо ничего, кроме себя, изменить он не может. Если же довести эту погоню за беспредельностью до логического конца, то и всё в самом субъекте, ограничивающее его как субъекта, должно быть упразднено, и тут уже нет даже вседозволенности, а одна только ни к чему не приводящая пустота.

Развитие исключительно негативной трактовки свободы («свобода от») показало свою недостаточность на материале социальных и культурных преобразований XX века. Именно об этом говорит известный социолог, философ, последователь психоанализа Э. Фромм, утверждая, что в XX веке «мы зачарованы ростом свободы от сил, внешних по отношению к нам, и, как слепые, не видим тех внутренних препон, которые готовы лишить всякого смысла все победы, одержанные свободой над традиционными ее врагами» [4]. Согласно его концепции наличие множества свобод у человека не является гарантией того, что он их будет использовать для самореализации, поэтому нередко в качестве новой зависимости люди подпадают под власть идеологии – одной из важнейших основ тоталитарных режимов. Подобная же мысль, но по-

иному фиксируется И. Берлином [5], который утверждает, что даже положительная свобода на сегодняшний день не является гарантией самореализации человека, ибо нередко вместо поисков собственной индивидуальности огромное количество людей черпает источник своих действий в разнообразных идеологиях, которые отнимают свободу воли. А потому, с его точки зрения, важно расширение поля негативной свободы, включающего в себя и обязательное наличие личного пространства самоопределения.

Исключительно негативистская трактовка свободы способна привести к двум крайностям. С одной стороны, происходит абсолютизация принципа свободы, которая становится идолом, отсекающим всякую возможность вернуться в «неволю». Отсюда большое количество людей, подверженных мании обладания «мнением», самым важным здесь является обладание так называемыми собственными мыслями, которые в этом качестве имеют право на существование. На деле эти «мнения» часто оказываются ничем не подкрепленными, никому, кроме их носителей, не интересными, обесцененными размышлениями, почерпнутыми за неумением мыслить из первого же попавшегося источника. Вторая крайность подобной свободы в том, что она уничтожает субъекта, долженствующего быть ее носителем. Стремясь преодолеть первичную ограниченность, человек опустошает себя изнутри, отказываясь от собственной идентичности. Человек, словно стрижен на стекле, хоть и будет иметь крылья, но взлететь никогда не сможет, пока под ногами не появится надежная опора, от которой нужно оттолкнуться.

Таким образом, свобода невозможна без своей частичной противоположности – ограниченности. Парадокс необходимости потери части свободы для возможности её осуществления известен уже довольно давно. Она является (и это заметили ещё П. Гольбах, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и др.) одним из необходимых условий существования общества не как набора отдельных индивидов, но как некоторой целостности, в данном случае культурной. Например, если все вдруг начнет говорить на своём собственном языке, никто никого понять не сможет: яркой метафорой этого является образ Вавилонской башни, где смешение различных говоров привело к невозможности единого строительства.

«Позитивная» свобода в этом смысле более наглядно демонстрирует волю человека, которая сама по себе уже есть способность человека к самоограничению, т. е. движение к четко намеченной цели, которому не страшны препятствия. В мире современных женщин это нередко оборачивается борьбой с «лишним» весом. Однако тут вступают в силу прочие механизмы «мягкой власти», которые в данном конкретном примере реализуются через создание посредством СМИ моды на определенный тип телесности, зачастую идущий вразрез с конституцией определенного человека. В этом смысле похудение хоть и будет «позитивно» свободным действием, под собой будет заключать внешнюю мотивацию, заданную модой. И тут не важно, нравится ли самой даме эта навязанная красота, главное, что она способна преодолеть себя и измениться кардинально.

Культ свободы, воспитанный в современном человеке самыми разными способами, начиная от кинематографа и заканчивая образовательными стандартами, требующими самостоятельности мышления, приводит к тому, что возникает иллюзия легкости при обладании ею. Герой книги легко и непринужденно побеждает своих врагов, попутно испытав пару захватывающих приключений. Мальчишка, который не может выполнить сложный трюк на сноуборде, легко справляется с ним, отведав шоколадный батончик, если верить рекламе. Но все это лишь внешняя простота и легкость. На самом деле свобода – это тяжелый труд, который требует познания мира, самого себя (как минимум знакомства с данными от природы ограничениями), умения видеть альтернативы, ставить цели, преодолевать себя по пути к ним. Она может быть достигнута, но далеко не всеми, потому что не всем она нужна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маринетти Ф.Т. Первый манифест футуризма // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы. – М.: Прогресс, 1986. – С. 158–162.

2. Дзема А.И. Детерминизм и индетерминизм в понимании свободы воли (по работе Н.О. Лоссокого «Свобода воли») // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2013. – № 30. – С. 94–99.
3. Москаленко Д.Н. Свобода выбора и свобода воли: грани соприкосновения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 4–3 (30). – С. 123–127.
4. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1995. – 256 с.
5. Берлин И. Философия свободы. Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 448с.
6. Виндельбанд В. О свободе воли // В. Виндельбанд. Избранное: Дух и история. – М., 1995. – С. 575.
7. Спиноза Б. Этика. – СПб.: Мегакон: Аста-пресс, 1993. – 246 с.
8. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 1999. – 218 с.
9. Бодрийяр Ж. Симулякр и симуляция; пер. О.А. Печенкина. – Тула, 2013. – 204 с.
10. Соколова В.С. Свобода потребителя – подлинная свобода? // Молодой ученый. – 2014. – № 14. – С. 333–335.
11. Freedman, D. Media Polisy Fetishism // Critical Studies in Media Communication, 2015, vol. 32, issue 2, p. 16.
12. Freedman, D. Dynamics of power in contemporary media policy-making // Media, Culture and Society, 2006, vol. 28, issue 6, pp. 907–923.
13. Беликова Э.С. Диалектика свободы и ответственности в искусстве XX века // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 337. – С. 63–66.
14. Карпова А.Ю. Контуры публичной политики и технологии политической риторики в современной России // Известия Томского политехнического университета. – 2014. – Т. 324. № 6: Социально-гуманитарные технологии. – С. 102–111.
15. Мелик-Гайказян И.В. Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры / И.В. Мелик-Гайказян, Г.И. Петрова, Н.А. Лукьянова. – М.: Научный мир, 2005. – 225 с.
16. Барт Р. Мифологии. – М., 1996. – 312 с.
17. Su, W. Cultural policy and film industry as negotiation of power: The chinese state's role and strategies in its engagement with global hollywood 1994–2012 // Pacific Affairs, 2014, no. 87(1), pp. 93–114.
18. Solomon, T. The Affective Underpinnings of Soft Power // European Journal of International Relations, 2014, no. 20 (3), pp. 720–741.
19. Roselle L., Miskimmon A., O'Loughlin B. Strategic Narrative: A New Means to Understand Soft Power // Media, War and Conflict, 2014, no. 7 (1), pp. 70–84.
20. Giannone, D. The Political and Ideological Dimension of the Measurement of Freedom of Information. Assessing the Interplay between Neoliberalism and the Freedom of the Press Index // International Communication Gazette, 2015, no. 76 (6), pp. 505–527.

REFERENCES

1. Marinetti F.T. Perviy manifest futurizma [First Futurist Manifesto] // Nazyvat veshchi svoimi imenami: Programmiye vystupleniya masterov zapadnoevropeyskoy literatury. М.: Progress, 1986, pp. 158–162.
2. Dzema A.I. Determinizm i indeterminizm v ponimanii svobody voli (po rabote N.O. Lossokogo “Svoboda voli”) [Determinism and indeterminism in the understanding of free will (for the N.O. Lossokogo ‘Freedom’)] // Aktualnye voprosy obshchestvennykh nauk: siciologiya, politologiya, filiosofiya, istoriya, 2013, no. 30, pp. 94–99.
3. Moskalenko D.N. Svoboda vybora I svoboda voli: grani soprikosnoveniya [Freedom of choice and free will: the verge of contact] // Istoricheskie, filiosodskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie, Voprosy teorii i practiki, 2013, no. 4–3 (30), pp. 123–127.
4. Fromm E. Begstvo ot svobody [Escape from Freedom]. М.: Progress, 1995, 256 p.
5. Berlin I. Filiosofiya svobody. Evropa [The philosophy of freedom. Europe]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001, 448 p.

6. Vindelband V.O. O svobode voli [About Free Will] // V. Vindelband. Izbrannoe: Duh i istoriya. M., 1995, p. 575.
7. Spinoza B. Etika [Ethics]. SPb.: Megakon: Asta-press, 1993, 246 p.
8. Bodriyar Zh. Sistema veshchey [The System of Objects]. M.: Rudomino, 1999, 218 p.
9. Bodriyar Zh. Simulyakr i simulyatsiya [Simulacra and Simulation] / per. O.A. Pechenkina. Tula, 2013, 204 p.
10. Sokolova V.S. Svoboda potrebitelya – podlinnaya svoboda? [Consumer Freedom – true freedom?] // Molodoy uchenyy, 2014, no. 14, pp. 333–335.
11. Freedman, D. Media Polisy Fetishism // Critical Studies in Media Communication, 2015, vol. 32, issue 2, p. 16.
12. Freedman, D. Dynamics of power in contemporary media policy-making // Media, Culture and Society, 2006, vol. 28, issue 6, pp. 907–923.
13. Belikova E.S. Dialektika svobody i otvetstvennosti v islusstve XX veka [The dialectic of freedom and responsibility in the art of the XX century] // Tomsk State University Journal, 2010, no. 337, pp. 63–66.
14. Karpova A.Yu. Kontury publichnoy politiki i tehnologii politicheskoy ritoriki v sovremennoy Rossii [The contours of public policy and political rhetoric technology in modern Russia] // Bulletin of the Tomsk Polytechnic University, 2014, vol. 324, no. 6: Humanities and Social Sciences Technologies, pp. 102–111.
15. Mif, mechta, realnost: postneklassicheskie izmereniya prostranstva kultury [The myth, the dream, the reality: postnonclassical cultural dimensions of space] / I.V. Melik-Gaykazyan, G.I. Petrova, N.A. Lukyanova. M.: Nauchniy mir, 2005, 225 p.
16. Bart, R. Mifologii [Mythology]. M., 1996, 312 p.
17. Su, W. Cultural policy and film industry as negotiation of power: The chinese state's role and strategies in its engagement with global hollywood 1994–2012 // Pacific Affairs, 2014, no. 87(1), pp. 93–114.
18. Solomon, T. The Affective Underpinnings of Soft Power // European Journal of International Relations, 2014, no. 20 (3), pp. 720–741.
19. Roselle L., Miskimmon A., O'Loughlin B. Strategic Narrative: A New Means to Understand Soft Power // Media, War and Conflict, 2014, no. 7 (1), pp. 70–84.
20. Giannone, D. The Political and Ideological Dimension of the Measurement of Freedom of Information. Assessing the Interplay between Neoliberalism and the Freedom of the Press Index // International Communication Gazette, 2015, no. 76 (6), pp. 505–527.

Поступила 20.05.2015 г.